"Мне все-таки придется присесть. Мышление Виктора Каша - это какой-то кошмар."

- Яна Третьякова

Город Леонард

Дариус Гамма

Система Дариус

"Повезло тебе." Гейл Вайс перегнулась через плечо Захарии МакБрайда и поцеловала его в левое ухо. "Хотела бы я работать дома."

"Это, - ответил Зак с ухмылкой, не отводя взгляда от дисплея перед ним, - потому что ты простой поденщик, трудящийся на тактических полях, а я - высокопоставленный руководитель на стратегических направлениях."

Гейл шлепнула его по макушке.

"Это просто причудливый способ сказать: я знаю, что делаю, а ты свистишь в темноте," - сообщила она ему.

"Ну... Это звучит немного сильно. Я имею в виду "свист в темноте"." Он нахмурился, изучая что-то на своем дисплее. "Я думаю, что "свистеть на кладбище" было бы более уместно."

"Так плохо, да?" Она выпрямилась, и на мгновение шлепнувшая рука нежно погладила его плечо. Ей хотелось спросить его, какие у него проблемы, но искушение исчезло, как только появилось.

Отчасти это было потому, что Гейл имела очень общее представление о занятиях Зака, которые были совершенно непохожи на ее собственные. Она была узконаправленным специалистом. Зак был прямой противоположностью: универсал, который тратил свое время на организацию других для разработки проектов, специфику которых он сам часто понимал лишь частично. Он выглядел как смесь супервайзера, советника, порученца и омбудсмена.

Думай обо мне как об испанской инквизиции, и попадешь почти в точку, часто говорил он. Учитывая, что его явно любили коллеги, с которыми встречалась Гейл, она восприняла это как шутку. В основном.

Но главная причина, по которой она не спрашивала, заключалась в том, что за шесть Т-месяцев, прошедших с момента прибытия на Дариус Гамма, она поняла, что слежка Согласия за своими гражданами была не только обширной, но и навязчивой. Она была совершенно уверена, что они не одиноки даже в их собственной квартире.

Личные аспекты слежки ее не особо волновали. Она была далеко не ханжа, и в любом случае, какой бы искусственный интеллект ни контролировал их, он был бы совершенно безразличен к их сексуальной жизни. Настоящая проблема заключалась в том, что Согласие очень серьезно относилось к тому, что они называли "безопасность", и определение этого термина было... широким. Конечным результатом стал режим, который хотя и не был полицейским государством в обычном понимании, но быстро вмешался бы, она была уверена, если бы почувствовал, что его граждане - которые также были его служащими - слишком далеко отошли от своих заданий и надлежащего взаимодействия с другими гражданами/служащими.

Поэтому вместо того, чтобы спросить его, что он имел в виду, она просто направилась к двери.

"Я могу вернуться позже обычного," - сказала она через плечо. "Ходят слухи, что мне дают новое задание. Ты знаешь, как это обычно бывает."

"Да," - проворчал Зак, все еще не отрываясь от дисплея. "Я уверен. Добро пожаловать в ваше новое славное дело. Во-первых, мы должны выяснить, что это такое. Это может занять некоторое время, но как только мы... "

Она улыбнулась, выйдя за дверь в коридор. Коридор был достаточно широким, чтобы устроить движущуюся дорожку в центре, но Гейл держалась ближе к стене. Ехать по движущейся дорожке всегда было заманчивыми, но она предпочитала идти быстрым шагом, чтобы поддерживать себя в форме. С тех пор, как люди покинули Старую Землю, многое изменилось, но одно осталось неизменным и определенным: упражнения полезны.

* * *

После ухода Гейл Зак попытался сосредоточиться на своей работе, но обнаружил, что слишком обеспокоен. Он встал и подошел к огромному окну - целой стене их квартиры, на самом деле, программируемой для чего угодно, от прозрачности до полной непрозрачности - и посмотрел на столицу системы Дариус.

Это был красивый город, хотя он мало походил на любой другой город, который он когда-либо видел.

Однажды он посетил Старый Чикаго, столицу Солнечной Лиги, которая повсеместно считалась одним из самых величественных городов заселенного человеком космоса. Он не нашел причин оспаривать это мнение.

Начиная с того, что он был огромен во всех отношениях - как вниз, так и вверх. Лабиринты подземных районов Чикаго часто называли Пятым чудом Лиги, и лишь отчасти в шутку. Зак провел в этих глубинах почти два дня. В течение десяти минут он полностью потерялся и оставался таким все время, которое провел там. Якобы современное навигационное приложение, которое он скачал на свой уни-линк, оказалось столь же бесполезным, как его предупреждали. К счастью, предупредивший его человек был его личным проводником, так что визит прошел достаточно гладко, даже если он никогда не знал, где находится.

Город простирался как по горизонтали, так и по вертикали. Границы гигантского города на западе и юге не были видны даже с самого высокого здания в Чикаго, Стремительности. Но Зак не проводил много времени, глядя на этот пейзаж. Гораздо большее впечатление на него произвел рукотворный архипелаг, расположенный на озере Мичиган. Километр за километром сооружений: башни, жилые и коммерческие; парки; пристани - везде. Фундаменты огромных башен были закреплены в скалистом дне озера, но квадратные километры пространства между ними были заполнены более скромными сооружениями, многие из которых плавали на воде. Только цивилизация с антигравитационной архитектурой могла построить и поддерживать такое место.

Тем не менее, эта городская красота была действительно красотой - тем, чего в городе было больше, чем сам город. Чикаго был древним и, как и все подобные места, созданные людьми, представлял собой мешанину. Великолепная и превосходно спроектированная высококлассная жилая башня могла оказаться зажатой между двумя более низкими, приземистыми башнями, которые, мягко говоря, можно было охарактеризовать как "функциональные". И чем дальше от озера, тем... более низкоуровневыми становились участки города, поскольку все больше и

больше людей загоняли во все более "доступное" жилье.

В Леонарде было иначе. Леонард был единым целым, спланированным и задуманным с самого начала как единое произведение искусства. Его планировка была совершенно не похожа на столицу Солнечной Лиги, потому что Старый Чикаго возник на основе структуры предкосмической, до антигравов и до Расселения. Леонард не страдал от этого древнего наследия. Больше всего на свете Заку он напоминал гигантскую снежинку.

Столица Мезы, Мендель, где Зак и его семья провели большую часть своей жизни, начиналась с аналогичного замысла, хотя и в менее амбициозном масштабе. Но века поколебали изначальную геометрическую точность Менделя. Он сильно пострадал, так как рабы составляли большинство населения Мезы, а затем стал еще хуже, когда большое количество освобожденных рабов стало гражданами второго класса. На протяжении всей истории человечества, где бы и в какое время ни возникало такое жесткое неравенство, оно неизбежно сопровождалось трущобами и многоквартирными домами. Они могут быть более чистыми и менее ветхими трущобами и многоквартирными домами на такой планете, как Меза, чем они были бы в Периферии или Окраине. Но они все еще будут трущобами и многоквартирными домами. Любое сравнение с тем, чем они могли быть, только подчеркивало эту реальность.

Но Леонард был... идеален. И чем больше времени Зак проводил здесь, тем более подавляющим он находил это совершенство. Нет, хуже, чем подавляющим. Леонард - весь Дариус - начинал его пугать.

Сильно.

То, что все население системы состояло из гордых и открытых членов Согласия - почти четырех миллиардов - должно было воодушевлять. И в некотором смысле так оно и было. Больше не было нужды сохранять секретность, в которой он и его брат Джек жили столько лет, скрывая свою истинную принадлежность даже от собственной семьи. Каждый из МакБрайдов считал себя верным членом Согласия. Но только Зак и Джек понимали, что "Согласие", к которому принадлежали их родители и сестры, было оболочкой, фасадом, скрывающим от глаз настоящее Согласие.

Это Согласие набирало большинство своих новых членов из оболочки, члены которой считали себя Согласием. Но для этого требовалось, чтобы настоящее Согласие поддерживало абсолютную секретность. Секреты, скрытые за секретами, в том, что несколько в шутку - но лишь отчасти - называли "луковицей".

Он никогда не знал, что Дариус на самом деле существует, и узнал только после того, как Операция Гудини вытащила его и Гейл с Мезы. Он знал, что нечто подобное должно существовать, хотя бы потому, что его положение на Мезе требовало, чтобы он занимался и усваивал исследования и разработки, которые очевидно проводились... где-то в другом месте. Но если когда-либо существовало что-то, законно прикрытое железными протоколами Согласия, местонахождение Дариуса, его организация и даже его истинная функция должны были заключаться в этом.

Теперь он многое узнал об этом - даже больше, чем Гейл. Возможно наиболее важным было, что он также узнал о существовании звездной системы под названием Гальтон. Ему пришлось это узнать из-за того, что он делал для Согласия.

Подавляющая часть исследований и разработок Согласия, о которых Зак думал, как о "тяжелой работе", проводилась не на Дариусе, а на Гальтоне. И все же лучшие из исследователей и

инженеров, которых Гудини привез из Мезы, приехали на Дариус, как и Зак. Однако по крайней мере двенадцать ученых, с которыми он работал на Мезе, переехали на Гальтон, и Зак был уверен, что так же, как он ничего не знал о Дариусе - или Гальтоне - до Гудини, никто из них не знал ничего о Дариусе, даже сейчас.

Функция Зака МакБрайда, в чем он был лучше всех, заключалась в его способности... помогать исследовательским группам. Он сам не был исследователем, и он был слишком универсален, чтобы постигать истинные тонкости любой из передовых специальностей, которые когда-либо раздвигали пределы научных - и технологических - границ. Но то, что у него действительно было, отчасти в результате улучшений генома МакБрайд, это феноменальная память; способность... мысленно инкапсулировать концептуальную суть теорий, гипотез и свидетельств, приделать к ним "рукоятки"; и интуитивная способность распознавать, где эти "рукоятки" пересекаются. Он не мог описать, как это работает, даже самому себе, но такое сочетание способностей сделало его невероятно ценным, потому что специалисты не говорили на языках друг друга. Им нужен был переводчик - нет, им нужна была сваха, и ею и был Зак МакБрайд.

Он все еще интерпретировал и согласовывал, но процесс изменился. Все, что производила любая из "его" команд - тех, которые ему поручили координировать - приходило к нему. Часть из этого исходила от людей, работающих прямо здесь, на Дариусе, и эта часть его повседневного распорядка была до некоторой степени такой же. Но еще больше приходило к нему с Гальтона. От людей, с которыми у него больше не было - или в большинстве случаев никогда не было - личных контактов. Это отсутствие контакта, эта невозможность сесть за чашку кофе и обменяться идеями делали его работу намного тяжелее, и он чувствовал себя менее эффективным. Он также подозревал, что записки, которые он составлял на основе потока данных с Гальтона, были тщательно обработаны, прежде чем его предложения и наблюдения были возвращены на Гальтон. Потому что никто из людей на Гальтоне не знал о Дариусе.

Это был невероятно неэффективный способ использовать его таланты, которые были наиболее ценными, потому что они повышали эффективность, но он пришел к пониманию того, почему все делалось именно так. Все, что было произведено на Гальтоне, поступало на Дариус, где оно оценивалось и интегрировалось в базу данных и исследовательские программы, которые были параллельны программам Гальтона, а также использовались в совершенно разных направлениях. Например, полосный привод был разработан на Гальтоне, но паучий привод, о котором он даже не знал до Гудини, хотя подозревал, что Гейл знала, учитывая ее собственную стратосферную область знаний, был разработан на Дариусе и информацией о нем никогда не делились с Гальтоном. Это произошло потому, что от Дариуса до Гальтона было очень мало трафика. И многое из того, что возникло здесь и дошло до Гальтона, дошло только потому, что Зак пометил это как полезное для одной из программ Гальтона, которые он курировал.

Никто не сказал ему, почему это так, и он не ожидал этого. Но проблема с необъяснением чего-то умным людям заключалась в том, что они, как правило, продолжали думать о необъясненном.

И иногда они придумывали что-то свое.

Он все еще задумывался, как информация с Дариуса использовалась на Гальтоне, когда она туда попадала. Однако, учитывая все остальное, что он наблюдал, это должно было быть сделано таким образом, чтобы стереть любой намек на то, что она возникла за пределами Гальтона. Он знал, что это так, потому что понял по крайней мере одну вещь, о которой ему никто не сказал.

Гальтон был расходным материалом.

Зак ни на секунду не думал, что кто-то на Дариусе хочет, чтобы Гальтон был уничтожен. Его собственные знания о системе были чрезвычайно ограниченными за пределами программ, в которых он участвовал, но из некоторой "побочной" информации в отчетах, которые он видел, было очевидно, что промышленная база Гальтона - и, возможно, его население тоже, хотя он был менее уверен в этом - были намного больше, чем на Дариусе. Что-то настолько ценное нужно было сохранить.

Тем не менее, в конечном счете, одна из самых важных функций Гальтона - в действительности, возможно, самая важная его функция - заключалась в том, чтобы умереть вместо Дариуса, если случится худшее. Так должно было быть, потому что Дариус был корзиной, в которой Согласие прятало свои самые ценные яйца. Лучших из его научных мыслителей. Истинные записи его генетических линий. И особенно высший эшелон ее руководства. Если Гальтон был сердцем присутствия Согласия вне Мезы, то Дариус был его мозгом, но Гальтон даже не знал, что мозг существует. И поэтому Согласие могло потерять сердце, но выжить.

И даже без Гальтона промышленной базы и исследовательских программ Дариуса было более чем достаточно, чтобы в конечном итоге возродить все, что Гальтон принес Согласию.

Зак МакБрайд всегда знал, что Согласие концентрично, как древние русские матрешки, которыt собирала его мать. Секрет внутри секрета. Оборона внутри обороны. Тем не менее, мысль о руководстве, которое могло бы думать о всей звездной системе, как приманке, которую в конечном итоге можно было использовать, охладила что-то глубоко внутри него.

С одной стороны, это имело смысл. Невозможно было представить себе, каким образом Согласие намеренно приведет врага к Гальтону. Он был слишком ценен, как минимум. Гальтон мог оказаться в опасности - но не "израсходован" - если враг уже обнаружил его существование и его местонахождение, несмотря на все, что могло сделать Согласие, чтобы скрыть его. Так что создание еще одной резервной позиции за Гальтоном и обеспечение того, чтобы не было следа из хлебных крошек от Гальтона к Дариусу, было совершенно логичным. Не более чем разумным. Можно даже назвать это простой осторожностью.

Но с другой стороны...

Фанатизм, подумал он. Вот что заставило его сердце замереть. То, что движение, которому он отдал всю свою сознательную жизнь, было достаточно фанатичным, чтобы мыслить такими категориями при любых обстоятельствах. Хладнокровно спланировать, как лучше всего использовать смерть миллионов - даже миллиардов - в качестве приемлемой цены, если оно сохранит свое основное руководство и свою цель.

Потому что, если бы оно могло думать в таких терминах обо всей звездной системе, то каким бы благожелательным оно ни казалось, независимо от того, насколько комфортной оно могло бы сделать жизнь своих приверженцев здесь, на Дариусе, оно было бы одинаково хорошо подготовлено к пожертвованию любым человеком. Любой группой. Если это подозрение, это осознание возникло у него, когда он столкнулся лицом к лицу с реальностями Гудини, то, что он узнал о Гальтоне с тех пор, полностью подтвердило это.

Он хотел бы не знать этого. Чтобы ему никогда не позволили заглянуть за маску, заглянуть в самую сокровенную комнату, где принимались подобные решения. Но он это сделал, и это означало, что Дариус не мог стать убежищем, которого он ожидал в те давние, еще до Гудини,

дни.

Он хотел этого. Он все еще хотел этого. Он хотел освободиться от секретности, которая так долго была частью его жизни. Знание о том, что любой, кого он встретил, был частью дела, которому он посвятил свою жизнь с шестнадцати лет, должно было стать пьянящим эликсиром. Но этот эликсир был горьким, и не только потому, что он узнал о Гальтоне. Действительно, когда-то осознание того, чем Согласие считало Гальтон, признание его способности мыслить такими... леденящими кровь понятиями, не беспокоило бы его. О, он бы пожалел об этом, но это не наполнило бы его страхом. Нет, для этого требовалось нечто другое - нечто большее. Обостренное умственное видение. Сердце, которое научилось подвергать сомнению все, что он когда-либо думал о Согласии.

Глядя на этот великолепный городской пейзаж, он пытался решить, когда именно родился этот тихий, настойчивый, беспощадно вопрошающий голос.

Наверное, после смерти Джека, подумал он. Он категорически отрицал возможность того, что Джек - Джек! - мог быть предателем. Он слишком хорошо знал своего брата, чтобы поверить в это хоть на мгновение. Сама идея была нелепой! Но теперь он думал, была ли причина, по которой он был так яростен, так абсолютно уверен, в том, чтобы убедить себя в этом даже больше, чем хотело его начальство. Потому что он знал Джека, знал его непоколебимую честность. И если бы Джек мог стать "предателем" - если бы Джек мог взорвать Гамма-центр, участвовал в инциденте в Грин Пайнс, убил столько мужчин и женщин, с которыми разделял преданность их делу - что узнал его брат о Согласии, чего не знал Зак?

Но его вера пережила смерть Джека, раненная, но все еще сильная. После тридцати с лишним лет самоотверженности, этого горячего чувства миссии, было бы удивительно, если бы это было не так. Но затем последовала "Операция Гудини" и его принудительное извлечение с Мезы. Он был достаточно высок в иерархии Согласия, чтобы знать о существовании Гудини, точно так же, как он знал, что должно существовать что-то вроде Дариуса... или Гальтона. Но они были лишь отдаленным запасным вариантом, которого он никогда не ожидал, и он никогда не задумывался о том, что лидеры Согласия могут сделать, чтобы скрыть истинную цель Гудини от врагов. Возможность такой бойни, такого количества смертей ему даже в голову не приходило. Совсем. Возможно, должно было прийти, но никогда не приходило. С другой стороны, он был офисным ботаником, которого Джек насмешливо называл "техническим планктоном", и никогда не был полевым агентом. Если бы это было не так, если бы у него была часть опыта Джека, возможно, он знал бы лучше, понял бы, насколько убийственным должен быть удар, подобный Гудини... и ужас, который он испытал после своего внезапного удаления из единственной жизни, которую он когда-либо знал, был бы менее шокирующим.

А может и не был бы, с безжалостной честностью сказал он себе. В конце концов, он всегда знал о многих из этих ужасов. Возможно, только умом, но знал. И все же это знание было абстрактным, воспринималось как прискорбное - даже ужасное - но неизбежное. Подобно тому, как мирный житель, который никогда не видел поля битвы, может невозмутимо созерцать "побочный ущерб", который неизбежно должен сопровождать великие дела и борьбу.

Побочный ущерб.

Этот защитный эвфемизм разрушился для Зака на борту невольничьего корабля Принц Сунджата, части конвейера Гудини, который в конечном итоге привел его и Гейл к Дариусу Гамма. И разрушил его - и Захарию МакБрайда - вопрос, который он задал своему корабельному проводнику, который сопровождал его через несколько взаимосвязанных грузовых отсеков. Они были меньше, чем у большинства грузовых судов, но были оснащены

огромными люками, которые казались странно несоразмерными трюмам, которые они обслуживали.

Итак, он спросил об этом.

И проводник ответил ему.

"Эти? Ну, иногда мы используем отсеки просто как грузовые трюмы. Для мертвого груза, я имею в виду. Но когда у нас есть живой груз, - Зак уже знал, что это эвфемизм для рабов, - это наши предохранительные клапаны на случай, если мы обнаружим, что за нами следит военный корабль манти или хевов."

Проводник остановился и покачал головой.

"Эти ублюдки, если поймают вас с живым грузом, скорее всего просто убьют на месте." Он показал подбородком на отсек, в котором они стояли. "Сюда мы сбрасываем груз. Мы заливаем их помещения газом - сильнодействующей дрянью, которая гонит всех впереди себя. Им некуда пойти, кроме как сюда, а потом... - он снова указал подбородком на огромные люки, - ...дело в шляпе. Они вываливаются."

Затем он повернулся и указал на ряд труб, которые заинтересовали Зака.

"Остается адский беспорядок. Всюду рвота, и всегда найдутся те, кто покалечился, вываливаясь наружу. Эти трубы зальют все чистящей пеной под высоким давлением, которая смывает все и оставляет отсеки сверкающими и блестящими. Безупречными, как будто ничего и не произошло."

Мужчина пожал плечами и продолжил идти к дальнему концу отсека.

"Но не всегда получается. Это работает против солли. Они ничего не смогут сделать, если не поймают нас с живым грузом на борту и не докажут, что мы везем живой груз. Нет груза, нет ущерба, нет вины. Однако некоторые из манти - а некоторые из хевенитов еще хуже - просто вышвырнут нас из тех же отсеков. Все, что их волнует - то, что они называют "положением об оборудовании". Они видят это, - он снова махнул на отсек, - и им все равно, поймали ли они нас с живым грузом. Даже не вытряхивая из скафандров тех, кто их носит. Какая разница, паришь ли ты в вакууме полуголым или в костюме с воздухом, который кончится через несколько часов? Наверное, лучше быть полуголым. По крайней мере, все быстрее кончится."

К тому времени, как они добрались до выхода, Зак был на грани рвоты. В глазах стоял образ перепуганного ребенка - девочки лет пяти - которую выбросило из корабля, когда отсек разгерметизировался. К тому времени она уже опорожнила то немногое, что было у нее в животе - скорее всего и в кишечнике. Вакуум просто положил конец делу.

Может быть, ее за руку держал взрослый, который умер вместе с ней. Это была единственная маленькая милость, которую Зак мог вообразить.

И это было все, что он мог сделать, чтобы проявить милосердие к находившемуся перед ним матросу. Он боролся с желанием - необходимостью - врезать мужчине по шее кулаком. Снова, снова и снова... пока все, что осталось от его позвонков, не превратится в осколки.

Но уже тогда он понял, что это было бы чистым лицемерием. Потому что, в конце концов, он - и Гейл - тоже были частью этого.

* * *

Возможно то, что он узнал о Гальтоне, не волновало бы его даже сейчас, если бы не тот момент на борту корабля работорговцев. Тот момент, в котором Бог - или какая-то другая Великая Сила - протянул руку и сунул ему даже не под нос, а в душу те мерзости, с которыми Согласие шло на компромисс - создавало и использовало - во имя своей высокой цели. Благородство цели, великолепие дела были слабым, холодным утешением против этого момента трансцендентной реальности.

И все же по прошествии нескольких недель после прибытия в Леонард он постепенно приходил к пониманию, что его... разочарование имело другую причину. Ту, которая вышла за пределы корабля работорговцев, за пределы Гальтона. Ту, которая в некотором смысле была даже более мощной. Это было определенно более пугающе, поскольку он всегда знал, что никогда не разделит ужасную судьбу, постигшую столько генетических рабов на протяжении веков. Было мало шансов, что он или Гейл когда-либо подвергнутся прямой жестокости со стороны Согласия. Их могли казнить - это случалось, хотя редко. Но Согласие сделает это быстро и безболезненно. Они, вероятно, даже не догадаются, что с ними что-то происходит. Также маловероятно, что их принесут в жертву, как Гальтон, потому что они были в самой сокровенной и самой безопасной части матрешки.

Но были и другие, более глубокие страхи, чем простая смерть. Или даже ледяной страх смерти Гейл. Возникло осознание того, что он и женщина, которую он полюбил, оказались не в ловушке, которая была просто самой позолоченной клеткой в галактике, из которой невозможно сбежать. Нет, они были заточены в сердце огромного, мрачно-дикого, красивого, безжалостного и неудержимого зверя. Они были его частью... и выхода не было. Не было возможности сбежать.

Глядя на геометрическую красоту Леонарда, он обнаружил, что снова обдумывает - впервые в полной мере - последние несколько недель жизни своего брата. Что он упустил за эти недели? Что случилось с Джеком, чего он не заметил? Для него самого переломным моментом стал эвакуационный отсек на Принце Сунджате, но что это было для Джека?

Он не знал. Он знал, что никогда не узнает, и как бы его это ни огорчало, он обнаружил, что может принять это. Потому что он знал: его брат нашел выход. Выход, который не позволил ему выжить, но позволил сбежать из ловушки, которая поймала Зака. Из ловушки быть частью чудовища. Теперь он знал, что это побег - зная Джека так, как он, и смотря на него ясными глазами - в котором Джек нанес ответный удар этому ужасу. Своей смертью он закрыл счет... потому что его брат не умер бы иначе.

Жестокая гордость и удовлетворение охватили его при этой мысли, но все же он не мог подражать Джеку. Только не на Дариусе Гамма. Смерть? Да, на это он мог пойти. Но искупление, шанс на самом деле чего-то достичь - это была совершенно другая проблема.

Он постоял, глядя на город еще мгновение, затем отвернулся и прошел к своему столу. У него оставалась работа, а ответов у него все еще не было.

И теперь у него была Гейл, о которой он мог думать.

* * *

Когда Гейл вошла в свой офис, на настольном коме мигал индикатор сообщения. Она поморщилась и нажала кнопку приема.

"Соланж хочет вас видеть," - произнес компьютерный голос. "Она ждет вас в своем офисе."

Вот и все. Никаких объяснений почему и не у кого спросить, поэтому Гейл просто пожала плечами, вышла из двери и пошла по длинному коридору в офис своего начальника.

Когда она подошла, дверь была открыта, и она вошла в нее, не постучав. Они с Соланж довольно хорошо ладили.

"Что случилось, босс?" - спросила она.

Женщина за столом была такой же миниатюрной, как Гейл высокой, хотя их лица были очень похожи, и у них был почти одинаковый цвет глаз и волос. Как и она, Соланж была одним из самых способных военных планировщиков и логистиков Согласия.

Теперь, в ответ на вопрос Гейл, она взглянула на нее и покачала головой.

"Слухи подтвердились. Ты либо действительно понравилась кому-то, либо действительно разозлила. Не уверена, что именно." Она указала на экран в углу стола. "Новость ждала, когда я пришла сюда сегодня утром. Тебя перевели."

"Куда? И почему, если на то пошло?"

"Куда - в ТА-3. Почему - на этот вопрос я не настолько глупа, чтобы отвечать. Даже пытаться думать об ответе."

Гейл уставилась на нее. Безобидно звучащее "ТА-3" было...

Ну, не совсем печально известным, но ужасно близко. Часть "ТА" обозначала Тактический Анализ. Никто не знал - во всяком случае, Гейл не знала - откуда взялась цифра "3", поскольку казалось, не было "1" или "2".

Единственное, что было общеизвестно об этом отделе - управлении, секции, как бы это ни называли - это то, что оно занималось наиболее засекреченными военными проектами. Сорта "сжечь перед прочтением".

Что делало новость захватывающей и... немного нервирующей.

"Ик," - сказала она.

* * *

Гейл старалась не смотреть по сторонам слишком явно, когда ее сопровождающий в форме привел ее в огромный круглый комплекс офисов, который, по-видимому, был штаб-квартирой ТА-3. Офисных площадей в Леонарде было в изобилии, но Согласие было почти одержимо идеей приспособить пространство к реальным потребностям того, кто занимал его. Что означало...

Они свернули в длинный изогнутый коридор, который, как она поняла, огибал центр здания. Внешняя стена слева от нее полностью состояла из окон, а справа была стена с закрытыми дверями. Они прошли не менее пятидесяти метров, прежде чем достигли - в конце концов - одной из этих закрытых дверей. Не было табличек, которые Гейл могла видеть, ничего, что указывало бы на то, что находится за этой анонимной дверью, но ее сопровождающий прижал ладонь к сенсору, и дверь открылась.

"Мы пришли," - сказал он ей, взмахнув рукой, и она оказалась в большом, со вкусом обставленном офисе.

Жизнерадостный мужчина, поднявшийся из-за стола, когда она вошла, был ближе всех к тучности из тех представителей альфа-линии, с которыми она когда-либо сталкивалась. Он и должен быть альфа-линией, чтобы занимать руководящую должность здесь, на Дариусе Гамма, подумала она, протягивая руку, но он определенно был... самым толстым из тех, с кем она когда-либо сталкивалась.

"Я Гейл Вайс," - сказала она.

"Ну, да," - ответил он, пожимая протянутую руку. "Мы здесь не ошибаемся в чьей-либо личности. Кроме того, ваша репутация опережает вас."

"Какая репутация?"

Ей удалось не нахмуриться, задавая вопрос, и он усмехнулся.

"Тактического волшебника," - сказал он. "И того разнообразия, которое мы ожидаем получить от гражданского лица."

Он повернулся к внутренней двери, жестом показывая ей следовать за ним.

"Пойдемте. Я познакомлю вас с командой."

Слово "команда" явно должно было начинаться с большой буквы, подумала она.

"Я полагаю, - сказал он через плечо, - что вы уже догадались, что безопасность в этом проекте сопровождается такими терминами, как первостепенная, высшая, абсолютная - я думаю, что "потрошение и четвертование" тоже где-то там есть."

"Да. А эта безопасность включает ваше имя?"

Мужчина остановился и повернулся, слегка приоткрыв рот. Затем он встряхнулся.

"Ой. Извините. Я забыл об этом. Я Антуан Карпинтерия."

"И мой новый начальник?"

"Не совсем." Он покачал головой. "Вы обнаружите, что ТА-3 не особо привязан к иерархической структуре." Он снова направился к внутренней двери. "Только не забывайте про потрошение и четвертование. Однако вы можете не обращать внимания на Железную Деву, потому что она находится в углу. Но не спотыкайтесь о стойку."

Коридор за дверью был коротким... и выходил в комнату, объясняющую архитектуру здания. Она тоже была круглой и почти гигантской. Она должна была быть не менее восьмидесяти или девяноста метров в диаметре, а один из самых больших голопроекторов, которые она когда-либо видела, был установлен в центре потолка на высоте не менее двадцати метров от пола.

Их ждали два человека в темно-бордовых с зеленым мундирах флота системы Дариус: капитан и лейтенант-коммандер. Капитаном была женщина, плотная, с очень темной кожей и светлыми волосами, довольно длинными для флотского офицера. Лейтенант-коммандер - он казался немного старше своего начальника, как ни странно - был мужчиной с непримечательным лицом и сложением, которые приписывают шпионам высшей квалификации.

Карпинтерия показал на них рукой. "Капитан Бернис Огенбраун. Лейтенант-коммандер Вергель Суарес." Он ткнул в сторону Гейл коротким пухлым большим пальцем. "Гейл Вайс. Гражданский аналитик."

Оба офицера вежливо кивнули ей, и она кивнула в ответ. Затем Карпинтерия хлопнул в ладоши, и улыбка вернулась на его лицо.

"А теперь давайте устроим шоу," - сказал он. "Отойдите за линию, пожалуйста."

Он указал на желтую линию шириной двенадцать сантиметров. Она располагалась параллельно стенам комнаты, в трех метрах от них, чтобы ограничить зону голографического дисплея. Он подождал, пока все они благополучно вышли за пределы области голограммы, а затем хлопнул в ладоши.

"Вперед!" - сказал он, и комната мгновенно погрузилась во тьму. Но эта тьма была черным бархатным фоном для потрясающе совершенной голограммы звездной системы, и когда ее глаза привыкли к полумраку, она начала различать ее детали.

В ней доминировал, если использовать этот термин свободно, оранжевый блеск того, что явно было звездой класса K. Имелось по крайней мере пять планет, но только одна из них, четвертая от звезды, лежала в зоне жидкой воды и там виднелась голубизна мира с атмосферой и закрученными облаками. Как бы в качестве компенсации было два пояса астероидов. Она была почти уверена, что внешний, который был исключительно плотным, лежал за пределами гиперлимита звезды, и в нем роились крошечные светлячки, которые явно были кораблями добычи ресурсов. Какими бы крошечными ни были их изображения, эти корабли были совершенно не в масштабе, иначе она никогда бы не увидела их невооруженным глазом.

Внешний пояс мог поставлять сырье, но платформы, на которых оно использовалось, находились гораздо дальше в системе, привязанные к гравитационному якорю обитаемой планеты и далеко внутри гиперлимита. Там была по крайней мере дюжина искусственных поселений, некоторые из которых были совершенно огромными, а также плотная группа орбитальных очистительных заводов и много орбитальных верфей. В голограмме плавали плотные блоки буквенно-цифровых символов, привязанные к определенным объектам. Их было... много, и без сомнения, они содержали тонны информации, но большинство из них были слишком далеки от ее нынешних интересов, чтобы она их читала.

Она понятия не имела, где может быть эта система, но очевидно, что это был крупный промышленный узел.

"Добро пожаловать в... назовем это Системой Альфа," - раздался голос Карпинтерии из темноты слева от нее. "Ваша задача - помочь нам выяснить, как защитить ее от массированной атаки. Если мы не ошибаемся, если она вообще должна быть защищена, МДР с гразерными боеголовками станут ключевым элементом нашей тактики, а вы наш ведущий эксперт по ним."

Что было правдой, подумала Гейл. Она не была физиком, но она была первоклассным флотским аналитиком и руководила группами, которые разрабатывали тактическую и стратегическую доктрину для новых гразерных боеголовок. Но почему Карпинтерия говорил только о МДР? Почему не торпеды? Она могла сразу придумать несколько скрытых приложений для них. Они... по какой-то причине сброшены со стола? Если да, то почему? А что это за "Альфа" и где... ?

Она отбросила эту мысль - все эти мысли. Чем меньше она знала о том, о чем они не хотели ей

рассказывать, тем лучше.

"Вы сказали "массированной"," - спросила она вместо этого. "Насколько массированной?"

"Скорее всего очень, очень, очень массированной," - весело ответил Карпинтерия. "Со всем, что есть в арсенале Большого Альянса. С другой стороны, вы можете не жалеть средств на защиту. Ну, почти."

Что, черт возьми, происходит? подумала Гейл.

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная система

"Куда мы едем?" - спросила Кэтрин Монтень.

Ее пригласили в аэрокар почти сразу после того, как она приземлилась в шаттл-порту О'Хара. Предполагалось, что она должна произнести речь от имени Антирабовладельческой Лиги. За эти годы она произнесла много речей в Старом Чикаго, но они просто пролетели мимо ее обычной посадочной платформы. Той, которая вела под городские улицы, открывая доступ к Старому кварталу столицы, поскольку большая часть квартала находилась под землей. Фактически, в некоторых местах он простирался вниз более чем на километр.

"Петля", как это еще называли, было самым известным гетто Солнечной Лиги и безусловно, самым большим из них. Она была домом для миллионов иммигрантов столицы, которые прибыли со всех концов Лиги, особенно из бедных миров Периферии. Иммигрантов, как легальных, так и нелегальных, можно было найти по всей Старой Земле, но, безусловно, самая большая их концентрация была именно здесь, в столице.

Другие давно заселенные и богатые миры центра более жестко ограничивали иммиграцию, чем Старая Земля, и особенно иммиграцию из Периферии. Но родному миру человечества сделать это было бы, мягко говоря, трудно. Это была самая многоязычная планета в населенной людьми галактике. С таким количеством семей и других тесных связей со множеством других миров было просто невозможно жестко регулировать иммиграцию, а Старая Земля была местом мечты, планетой с золотыми улицами... особенно для беженцев, спасающихся от протекторатов и "доброжелательного надзора" Управления Пограничной Безопасности.

"Солдатское Поле там," - наполовину запротестовала Кэтрин, глядя через плечо на быстро удаляющуюся площадку для приземления.

"Дни твоих выступлений на Солдатском Поле кончились, девочка," - сказала женщина, сидящая рядом с ней на заднем сиденье.

Ее звали Фанантенанирайни, что объединяло ее имя и фамилию по обычаю ее родного мира Антананариву. Она была такой же внушительной, как и ее имя. Ее длинные заплетенные волосы были примерно того же цвета, что и глаза и кожа, и даже сидя она была на голову выше Кэтрин. Вероятно, она и весила втрое больше, и хотя часть этого была жиром, большая часть была просто ее естественной массой.

Антананариву, первоначально заселенный людьми с Мадагаскара и Маврикия, находился

достаточно близко к Солнцу, чтобы считаться миром центра, но с экономической точки зрения это явно была система второго или третьего уровня. Как и многие иммигранты Старой Терры, родители Фанантенанирайни вернулись на родину в поисках более светлых экономических горизонтов, когда ей было четыре Т-года. С тех пор она жила здесь и провела большую часть своей взрослой жизни в Старом Чикаго, борясь против генетического рабства. Фактически, она была вице-президентом Антирабовладельческой Лиги Солнечной системы последние два десятилетия.

К счастью для окружающих она отзывалась на имя Фанни.

"Мы направляемся в амфитеатр Мандельбаума в Эванстоне," - продолжила она.

Аэрокар начал медленный спуск, плавно скользя по высотным полосам, пока не оказался на высоте не более ста метров над очень широкой наземной улицей, которая шла более или менее параллельно озеру Мичиган. Проезд по-прежнему носил свое старое название Озерный Берег, что было немного абсурдно через две тысячи лет после Расселения. За последние двадцать веков реальный берег озера сдвигался все дальше и дальше на восток, по мере того как город разрастался искусственными островами. К настоящему времени проезд Озерный Берег находился в среднем в четырех километрах от набережной и никогда не подходил к озеру ближе, чем на один километр.

"Что за... ?"

Кэти уставилась на видеоэкран в заднем отсеке, который давал ей лучшее представление о том, что было впереди, чем она могла бы получить, глядя через лобовое стекло на плечи водителя и очень крупного парня на пассажирском сиденье, в котором безошибочно узнавался телохранитель.

"Почему все эти люди здесь?" - спросила она.

По сторонам Озерного Берега были очень широкие движущиеся дорожки и старомодные тротуары - больше похожие на променады, особенно с восточной стороны, ближе к озеру - и они были переполнены. Огромная толпа тянулась вперед, насколько она могла видеть, и когда она выглянула в боковое окно, она увидела людей, сидящих практически на каждом балконе башен, обрамляющих проезд.

"Это всегда было одним из твоих самых привлекательных качеств, Кэти," - сказала Фанни с ухмылкой. "У тебя нет ни малейшего интереса к лести или общественному признанию." Она указала на экран. "Они пришли приветствовать тебя."

"Там холодно!" - запротестовала Кэти.

Это утверждение могло быть не совсем точным с точки зрения фактов, но близко к ним, особенно с точки зрения чувствительности человека, выросшего в Лэндинге на Мантикоре. Она была уверена, что температура была как минимум на десять градусов выше точки замерзания воды, но был поздний апрельский день, переходящий в вечер в Старом Чикаго, у подножия глубоко затененного керамакритового каньона между огромными башнями столицы, а с озера дул резкий ветер.

"Холодно? Ерунда!" - бодро сказала Фанни. "Прекрасный день. Да, немного прохладно, но это Старый Чикаго. Ты видишь, что носят эти люди? Это называют утепленными куртками. Они существуют уже более двух тысяч лет."

Она покачала головой и наклонилась вперед.

"Включи внешний звук, Энди," - сказала она водителю, и он поиграл с чем-то на своей панели. Мгновение спустя Кэти вздрогнула, когда грохот массовых аплодисментов заполнил аэрокар.

"Выключите это," - сказала Кэти, и Фанни снова усмехнулась.

"Можешь выключить, Энди. Я просто хотела дать маленькой Мисс Скромность представление о том, что происходит, поскольку она, очевидно, все еще тонет в древней истории."

Они достигли уровня улицы, и аэрокар перешел в наземный режим, находясь в тридцати сантиметрах над тротуаром, скользя по улице через огромную толпу, сдерживаемую барьерами и двойной линией полиции. Кэти была ошарашена.

"Я полагала, что если бы меня встретила какая-нибудь толпа, кроме тех, кто обычно слушают, как я говорю на Солдатском Поле - ладно, это было много лет назад - они бы освистали меня как массового убийцу с Мантикоры."

Пожатие плечами Фанни было таким же весомым, как и она сама.

"Большинство из этих людей либо иммигранты, либо дети иммигрантов, Кэти. Подавляющее большинство - выходцы с Периферии - или их родители, бабушки и дедушки - и значительная часть - бывшие рабы Рабсилы или, по крайней мере, родственники бывших рабов. Думаешь, им не наплевать, сколько мезанцев было убито? Не очень многие из них верят в мезанскую версию событий, а те, кто верят, полагают, что ублюдки это заслужили. Конечно... "

Она показала пальцем на запад.

"Если бы мы ехали по Мичиган-авеню, тебя могли бы встретить по-другому. Но пошли к черту этих людей. У них было почти четыре месяца с тех пор, как Харрингтон прошла через стену. Чертовски много времени прошло, но половина из них все еще прячется в своих шикарных квартирах. Особенно сегодня."

Она тяжеловесно повернулась на своем сиденье, чтобы прямо взглянуть на Кэти.

"Надеюсь, ты подготовила свою речь. В амфитеатре будет больше четверти миллиона человек, и еще больше по видео. У нас есть общесистемная связь. Наилучшая оценка... Что у тебя сейчас, Юсуф?"

Телохранитель посмотрел на свой уни-линк.

"Чуть больше трехсот двадцати миллионов уже настроены и слушают говорящие головы. Это число сильно вырастет, когда мероприятие действительно начнется и она выйдет в эфир."

"Черт возьми." Глаза Кэти были очень широко открыты.

"Как я сказала, я надеюсь, что ты подготовила свою речь," - сказала Фанни, и ее глаза сразу же сузились.

"Мои речи всегда готовы."

Офис КФО

Здание Адмиралтейства

Город Старый Чикаго

Солнечная Система.

Уинстон Кингсфорд перевел взгляд с экрана видео на своего нового директора флотской разведки - настолько нового, что он еще не был приведен к присяге.

"Ты когда-нибудь видел ее речи раньше?" - спросил он, кивая головой на экран, где Кэти Монтень говорила уже почти двадцать минут, и Чарльз Ганнон кивнул.

"Несколько раз в записи и дважды лично."

"Ты видел ее лично? Где?"

"На Солдатском Поле - где еще? Она часто там выступала, когда жила здесь в изгнании."

Кингсфорд покачал головой жестом, граничащим с неверием.

"Чак, мне трудно представить, как ты под землей слушаешь радикальные поджигательные речи. Солдатское Поле, это... двести метров под землей?"

"Не так много." Ганнон пожал плечами. "Скорее около сотни, и его нетрудно найти, если у вас есть гид. А у меня было много, на выбор. Ни один аспирант в моей области не стоит ни черта, если он или она не пробрались на Солдатское Поле послушать радикальные речи - и попробовать кофе, чай и... другие вещества, чью точную природу я пропущу - во множестве лавок Старого Квартала. В любом случае мне не понадобились гиды, так как я сам несколько лет учился в аспирантуре Чикагского университета."

Он посмотрел вниз и поддернул рукава куртки, чтобы показать заплатки на локтях.

"Однако после того, как я стал респектабельным преподавателем, я всегда надевал один из этих нарядов, когда шел в Петлю."

"Защитная расцветка?" - улыбнулся Кингсфорд.

"Фактически, реклама. Ни один профессор в моей области не стоит ни черта в глазах лучших аспирантов, если он сам время от времени не появляется там. А Монтень всегда привлекала больше всего."

"Я понимаю, почему." Кингсфорд снова посмотрел на экран. "Она совсем не такая, как я ожидал."

"Люди - ну, соответствующий тип людей - всегда удивляются, когда слышат, что говорит Монтень. У нее такая яркая политическая репутация, что они ожидают чего-то пронзительного, чрезмерного, яростного подстрекательства. Вместо... "

Он кивнул в сторону фигуры женщины на трибуне в амфитеатре Мандельбаума.

"Вместо этого они получают спокойное, методичное изложение точки зрения, которая вызывает у них дискомфорт, а не презрение, потому что она так тщательно и подробно аргументирует - и обычно это не то, что они хотят слышать."

"Кажется, ты восхищаешься ею."

"Монтень честна и ставит принципы выше любых личных амбиций. Ну, честно говоря, тому, у кого есть столько денег, нет причин для таких амбиций, но ты знаешь политических животных даже лучше, чем я. Девяносто процентов из них полностью подпитываются эго и нарциссизмом, и это самое далекое от ее побуждений, что только можно вообразить. Так что да, я восхищаюсь ею - может быть "уважаю" было бы лучшим словом. Вообще-то, сильно уважаю, какие бы разногласия у меня с ней не были. А их, кстати, не так много, как ты думаешь. Я соглашался с ней десятилетиями, а не годами, Уинстон, десятилетиями - на тему генетического рабства и мерзости Рабсилы."

Выражение лица КФО не было в точности хмурым, но близко к этому.

"Я не сомневаюсь в этом. Но эта женщина все те же десятилетия была связана с террористами - и до сих пор связана!" Он махнул рукой. "И пожалуйста, избавь меня от старой поговорки о том, что террорист для одного человека является борцом за свободу для другого. Я признаю, что в этом много правды, но не жди, что я одобрю их тактику. Я не могу вспомнить ни одного офицера флота Солнечной Лиги, который когда-либо пробрался в личные покои заместителя министра внутренних дел, перерезал ему горло, а затем удалил голову статуи и заменил ее отрезанной."

"О да." Ганнон улыбнулся. "Один из наиболее известных подвигов Джереми Экса. Будет ли грубо с моей стороны указать, что террористы оставили после себя не только голову заместителя министра Албескью, но и его правую руку? Держащую чип, на который записаны сексуальные подвиги заместителя министра... наиболее заметным из которых являлось жестокое обращение с детьми-рабами."

"Албескью был свиньей," - с отвращением сказал Кингсфорд. "Но это не значит... "

"Уинстон, перестань. Ты смотришь на подобные вещи с точки зрения человека, который всю свою сознательную жизнь был флотским офицером. Я был рядовым, помнишь? Глядя оттуда - и, черт возьми, после моих более поздних исследований - я разработал теорию на этот счет. То есть различие между настоящим солдатом и грязным гнилым террористом, по-видимому, в основном зависит от масштаба убийства. Если ты поражаешь своего врага в промышленных масштабах, особенно на расстоянии, ты молодец. Сделай это вблизи и в розницу, и ты станешь злобным убийцей. Теперь я допускаю, что есть террористы и есть террористы, и некоторым из них наплевать, сколько невинных прохожих они уничтожили. В конце концов, они же террористы? Они хотят, чтобы их зверства были как можно более заметными, поразительными и ужасающими, насколько это возможно физически. Чем больше будет проклятых тел, тем лучше! Правда?" Он посмотрел Кингсфорду в глаза и покачал головой. "Одюбон Баллрум всегда были намного более осторожными в отношении "побочного ущерба", чем ФСЛ, особенно когда мы поддерживали УПБ, и ты это знаешь, Уинстон."

Кингстон нахмурился, а Ганнон оглянулся на женщину, говорившую в десяти километрах к северу от офиса КФО.

"Вы можете уволить меня в любое время, адмирал. Но, как я понимаю, часть моей работы - заставлять вас время от времени морщиться."

"Я забыл, как хорошо у тебя это получается," - проворчал Кингстон.

Они посидели в дружеском молчании еще пару минут. Затем Ганнон пожал плечами.

"Может быть тебя утешит, что я могу почти гарантировать, что это будет смотреть множество людей, которых перекорежит намного сильнее, чем тебя."

"Нет, правда?" Адмирал усмехнулся. "Давай посмотрим... в алфавитном порядке мы могли бы начать со старшего - хотя и не постоянного - заместителя министра внутренних дел Альстрома. И закончить... "

"Новым финансовым директором Джессик Комбайн?" - предложил Ганнон.

"Антуан Зурааба? Хороший выбор. Еще кофе?"

"Да, пожалуйста."

Кингсфорд налил кофе из старомодного кофейника. Затем он дождался, пока каждый из них сделает глоток, и со вздохом откинулся на спинку кресла.

"Хорошо, покончим с этим. Ты не просил бы меня посмотреть эту речь без причины. У тебя или есть теория, которую ты хочешь, чтобы я услышал, или... "

"На самом деле это предложение."

"Этого я и боялся." Кингсфорд снова вздохнул. "Какое на этот раз?"

"Я хочу получить твое разрешение на то, чтобы связаться с Монтень - это будет сделано секретно - и посмотреть, смогу ли я получить ее согласие на то, чтобы Антирабовладельческая Лига начала работать - опять же секретно - с флотом."

Глаза адмирала расширились.

"Работать с нами над чем?"

"Искоренением работорговли - всего аппарата, связанного с ней, а не только кораблей и складов рабовладельцев."

"Но... " Кингстон нахмурился, выражая озадаченность, а не возражение. "Я предполагал - как и ты - что что бы там делалось или не делалось, Конституционный съезд полностью запретит рабство, и в этот раз без дураков."

"Да, это так. И что потом? Уинстон, рабовладение было официально запрещено в Лиге на протяжении веков. Ты замечал, что кто-то на самом деле выполняет этот запрет?"

"Ну, флот... "

"Хорошо." Ганнон кивнул. "Допустим. Когда корабль флота действительно встречает работорговца с рабами на борту, он захватывает корабль и освобождает рабов." И экипажи многих из этих работорговцев, добавил он про себя, довольно часто таинственным образом исчезают в глубинах космоса. Люди не особо об этом говорят.

"Но как часто это происходит на самом деле?" - продолжил он более вызывающим тоном. "И подписывалась ли Лига когда-нибудь под "положением об оборудовании"? Позволь мне освежить твои знания - это не так. Это прямо есть в конвенции Червелла, но Лига никогда не применяла его. И любого командира, который осмеливался сделать это, сразу же увольняли со службы. Об этом заботились ближайшие союзники Рабсилы в УПБ, Министерстве внутренних дел и флоте, Уинстон!"

Он смотрел в глаза Кингсфорда, пока КФО не кивнул, затем пожал плечами.

"Вероятно, не имело бы никакого значения, если бы нам разрешили применить положение об оборудовании, потому что невольничьи корабли - это только поверхность торговли. Если последние двести или триста Т-лет продемонстрировали что-либо в том, что касается генетического рабства, то запрет на что-либо - это одно, а действительное его уничтожение - это совсем другое, особенно когда это такой глубокий абсцесс. Генетическое рабство - я говорю обо всем этом, Уинстон; не только о кораблях и складах, но и объектах по разведению, лабораториях, заводах - не исчезнет только потому, что кучка политиков заявит, что оно исчезнет, даже если на этот раз они действительно имеют это в виду. Его придется вырывать с корнем - чаще всего силой."

"Хорошо... Я понимаю это." Адмирал все еще хмурился. "Но почему флот? Я думаю, это работа полиции. По крайней мере, кроме кораблей работорговцев."

"И ты был бы прав," - согласился Ганнон. "Но к сожалению, полицейское агентство, которое должно этим заниматься, особенно на Периферии и Окраине, которые наиболее глубоко заражены, раньше называлось Управление Пограничной Безопасности. Которое, как ты, возможно, помнишь, находится в процессе роспуска в соответствии с одним из требований Большого Альянса о капитуляции. Не то чтобы это будет иметь большое значение. Слишком много сотрудников УПБ с самого начала были в постели с работорговцами."

"Жандармерия... "

"Жандармерия несомненно возьмет на себя окончательную ответственность за это, а генеральный прокурор Рорендаал ненавидит эту торговлю так же сильно, как и я," - сказал Ганнон. "Она будет прилагать все усилия, чтобы убедить премьер-министра Йона официально проинструктировать флот о начале применения положения об оборудовании. Что же касается жандармерии, Гаддис занимается уборкой аллигаторов здесь, на Старой Земле. Пройдет некоторое время, прежде чем он сможет начать отсеивать плохих парней из жандармов, которым было поручено работать с УПБ. Или, если уж на то пошло, на большинстве миров Окраины."

"Мы не можем просто начать менять границы юрисдикции," - возразил Кингсфорд. "Вся Лига сейчас находится в состоянии нестабильности. Гаддис и я согласны с тем, что последнее, что мы можем себе позволить сейчас - это даже выглядеть так, будто мы вступаем в своего рода войну за территорию. Ссоры между армией и полицией - или даже вид, что они ссорятся - не вызовут большого доверия к Временному собранию или Конституционному съезду."

"Я не предлагаю ничего подобного," - терпеливо сказал Ганнон. "Чтобы это сработало, это должны быть совместные усилия и с жандармерией. Фактически, я уже, м-м-м, обсуждал некоторые гипотетические проблемы с бригадиром Гаддисом."

"Ты уже обсудил?" Кингсфорд посмотрел на директора УРФ с явной тревогой.

"Только гипотетически," - успокаивающе ответил Ганнон. "Дело в том, что генетическое рабство - по крайней мере технически - уже незаконно в Лиге. Это означает, что жандармерия имеет право преследовать его по закону. На самом деле так было давно. Рабство просто не было приоритетом, и жандармы, желавшие этого, знали, что не получат никакой поддержки от своего начальства, если перенаправят на это ресурсы. Гаддис знает, что генеральный прокурор Рорендаал подпишет разрешение на это. Проблема в том, что, как я уже сказал, у него уже слишком много на тарелке. Но он сообщил мне - конечно, гипотетически - что готов запросить помощь флота. С этого момента, помимо назначения нескольких сотрудников связи, он в основном сосредоточится на том, чтобы уйти с нашего пути."

"Но почему мы?" - спросил Кингсфорд. "Единственное, чем я не являюсь, так это копом, Чак!"

"Нет, ты не коп," - согласился Ганнон. "Ты, однако, являешься Командующим Флотскими Операциями, у которого под рукой есть две из трех вещей, которые тебе нужны, чтобы флот сразу приступил к проекту."

"Какие?"

"Во-первых, - Ганнон поднял палец, - у тебя есть целый флот, который может и не выдержит войны с Большим Альянсом, но достаточно силен, чтобы разбить любую преступную организацию, с которой столкнется. Во-вторых, - поднял второй палец, - я могу организовать разведывательное подразделение, которое будет руководить работой прямо из Управления разведки флота. Для этого нам не нужно одобрение извне, и это не будет ущемлять чью-либо юрисдикцию. Если на то пошло, бригадир Гаддис согласился - гипотетически - одолжить мне несколько своих самых ярких разведчиков в помощь."

Он остановился, чтобы глотнуть кофе.

"Это две вещи, которые у нас уже есть. Что нам по-прежнему нужно, так это средства, которые новому разведывательному подразделению УРФ - назову его на данный момент Бюро Фредерика Дугласа - будут необходимы для выполнения своей работы. Это в первую очередь бывшие рабы. И по крайней мере, некоторые из них должны быть бывшими участниками Баллрум, потому что никто другой - я имею в виду вообще никто, Уинстон - не знает, где есть работорговля и насколько глубоко она скрыта, как это знает Баллрум. Но это должны быть люди, которым мы можем доверять, и быть уверенными, что они не мошенники и не просто психи. И я не могу придумать никого, кто мог бы лучше снабдить нас такими агентами - надежными агентами - чем Монтень и Антирабовладельческая Лига."

Исчезнувший хмурый взгляд Кингсфорда вернулся.

"Я могу следить за всем этим, но ты до сих пор не объяснил, почему флот должен это делать. О, я допускаю, что работорговля гнусна. Что это рак, который портит и отравляет все, к чему прикасается. Черт, я пойду дальше. Кто-то должен наступить на нее, и наступить сильно. Но ради Бога, Чак!"

Он покачал головой с жестким выражением лица.

"Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, сколько миллионов мужчин и женщин только что потерял флот. Но если ты не задумывался об этом, позволь мне представить тебе это в перспективе. Наши общие потери составляют почти тридцать два процента от довоенной постоянной численности Боевого флота. Тридцать два процента, Чак. Нет ни одного действующего офицера или рядового, который бы не потерял кого-то из своих знакомых. Каждый из наших уцелевших крупных кораблей полностью устарел, каждый из наших выживших офицеров и рядовых знает, что нас бьют каждый раз, когда мы выступаем против Большого Альянса, и каждый из них знает, что мы сдали Харрингтон столичную систему Лиги - черт, всю Лигу - без единого выстрела! Ты говоришь, что Гаддис занят ремонтом и восстановлением жандармерии? А что, черт возьми, я делаю? У меня слишком много дел, чтобы смотреть за дополнительными миссиями!"

Ганнон спокойно смотрел на него несколько секунд. Потом...

"Уинстон, самое большое дело - безусловно, - которое есть у Флота Солнечной Лиги - это восстановление без намерения реванша. Ты прав насчет того, как жестоко нас побили. В

основном из-за глупых гребаных адмиралов и еще более глупых политиков, которые, может быть, не умели выливать мочу из ботинка, но ты прав. Мы потеряли, черт возьми, около трети сил боевого флота мирного времени. И как ты думаешь, сколько людей, которых мы не потеряли, рады этому? Сколько из них сидят и думают о том, когда в следующий раз они выступят против Большого Альянса... на этот раз с соответствующей техникой. Черт, они были бы больше, чем люди, если бы не думали именно так!

Но мы не можем позволить им думать что-либо подобное. Ты беспокоишься об этом так же, как и я - мы много говорили об этом, Уинстон. Мы хотим, чтобы война с Большим Альянсом закончилась. Завершилась. Окончилась - раз и навсегда. Меньше всего мы хотим просто положить это на полку, пока у флота не будет оборудования, чтобы снова запустить ее и снова разорвать человечество на части. На этот раз в масштабе, о котором я даже не хочу думать!"

"Конечно, это последнее, чего мы хотим," - сказал Кингсфорд немного раздражительно. "Вот почему я собираюсь подписать реструктуризацию сил Уиллиса!"

Пришла очередь Ганнона кивнуть.

Кингсфорд поручил адмиралу Уиллису Дженнингсу, своему начальнику штаба, незавидную задачу пересмотреть всю структуру и организацию флота Солнечной Лиги - и понять, как исправить его бесчисленные неудачи - после сокрушительного поражения. Дженнингс подошел к своему заданию с безжалостным прагматизмом, который удивил даже Кингсфорда, и КФО знал так же, как и Ганнон, насколько... непопулярными могут быть некоторые аспекты предлагаемых его начальником штаба решений. Особенно с самыми замшелыми бюрократами флота.

Полное расформирование Боевого Флота, вероятно, вызовет самые громкие крики... по крайней мере, из существующей иерархии Боевого Флота, подумал Ганнон. Но Боевой Флот должен уйти. В этом Дженнингс был абсолютно прав. Формальное разделение ФСЛ на Пограничный Флот, которому было поручено выполнять повседневные обязанности флота и выполнение его рутинных обязанностей, и Боевой Флот, которому было поручено фактически вести любые войны, имело катастрофические последствия. Пограничный Флот имел плохую репутацию в глазах общественности (и своих собственных, если правда становилась известна) из-за того, как его втянули в поддержку коррупции Управления Пограничной Безопасности, но по крайней мере он был постоянно и полностью вовлечен в работу. Боевой флот этого не делал. Это была черная дыра, в которую каждый финансовый год текло финансирование, но ему не с кем было бороться, и он застопорился. Его крупные корабли вообще не выполняли никаких функций, кроме как сражаться в битвах, а битвы так и не начались.

Пока, наконец, они не пришли, и застой и институциональное высокомерие, которыми был заражен Боевой Флот, вернулись и налипли, как смертоносные моллюски. Флот потерпел неудачу - полную и ужасную - в единственной функции, которую он когда-либо выполнял, и он знал это. Но захочет ли он когда-нибудь признать, что его неудача была вызвана им самим - это совсем другое, и опыт Ганнона в отношении человеческой природы не внушал ему особого оптимизма в этом отношении. Фактически он был убежден, что Дженнингс - и Кингсфорд - были полностью правы: если Боевой флот продолжит существовать, он неизбежно станет армией, в которой реваншизм, которого все они опасались, даст метастазы.

Но как указал Дженнингс в своем предварительном отчете Кингсфорду, Лига не нуждалась в Боевом Флоте... и вероятно никогда не нуждалась в нем. Функция Боевого Флота заключалась в том, чтобы быть угрозой, неудержимым и непобедимым Джаггернаутом, который отговорил бы любого потенциального врага даже от мысли о скрещивании мечей с Лигой. Когда-то эта

концепция могла иметь ограниченный смысл, по крайней мере, раньше в истории Лиги. Но правда заключалась в том, что ни одна звездная нация с граммом здравого смысла не захотела бы "скрестить мечи" с чем-то таким большим и могущественным, каким стала Лига за Т-века. Конечно, Большой Альянс не хотел этого. Его вынудили высокомерие и глупость Мандаринов... подкрепленные и подпитываемые высокомерием, глупостью и слепотой Боевого Флота. Значительно меньшее число крупных кораблей (при условии, что это были современные и эффективные крупные корабли, а не устаревшие смертельные ловушки) могло бы довольно легко отпугнуть любого, кто меньше Большого Альянса, и не породило бы шовинистического высокомерия, которое занимало центральное место в институциональной ДНК Боевого Флота.

Еще было то, что ФСЛ на самом деле был двумя флотами. Офицеры и рядовые, но особенно офицеры, делали карьеры в Пограничном или Боевом флоте. Кингсфорд мог подсчитать количество офицеров, особенно флагманов, имеющих опыт работы как в Пограничном, так и в Боевом Флоте, по пальцам, не снимая ботинок. На самом верху были разговоры о сотрудничестве и взаимной поддержке миссий, но только на словах.

Итак, Дженнингс предложил просто упразднить Боевой Флот и сосредоточить все внимание на том, что раньше было Пограничным Флотом. Пограничный Флот также будет упразднен, как отдельная организационная ниша. Вместо этого будет просто Флот Солнечной Лиги, реструктурированный так, чтобы быть таким, каким он должен был быть с самого начала: единая объединенная структура сил и командования, обслуживающая реальные потребности Лиги.

Упразднение Управления Пограничной Безопасности и системы его протекторатов - предстояло еще много упразднить, подумал Ганнон - значительно упростит эти потребности. Это также позволит флоту отойти от своей неприятной роли силовика УПБ, когда придет время запугать - или подавить - сопротивление Пограничной Безопасности и ее приспешников в Протекторатах. Останутся только те проблемы, которые УПБ было предназначено решать, когда оно было впервые создано: поддержание мира на периферии, поиск и спасение, соблюдение межзвездных законов и поддержание эффективных и современных боевых возможностей, достаточных для предотвращения любой реальной внешней угрозы Лиге.

Таким образом, каждый существующий соларианский корабль стены был предназначен для слома и переработки. Базовая инфраструктура Боевого Флота будет значительно сокращена - практически ликвидирована - а то, что осталось, будет перепрофилировано для поддержки флота, крупнейшей единицей которого в ближайшем будущем, вероятно, будет линейный крейсер или соларианская версия носителей ЛАК Большого Альянса, учитывая, насколько эффективны современные легкие атакующие корабли для большинства возможных требований нового ФСЛ. Каждый существующий линейный крейсер - черт, каждый существующий тяжелый крейсер - вероятно, тоже будет списан, потому что они были такими же устаревшими, как и корабли стены в эпоху многодвигательных ракет и ЛАКов, но это можно отложить, по крайней мере, на время. Как указал Ганнон, устаревшие или нет, они были вполне способны справиться с кем угодно, кроме Большого Альянса.

Конечно, ничто из этого не могло произойти сразу.

Ганнон знал, что Кингсфорд прекрасно понимал, что не может позволить себе откладывать дела на потом. Ему приходилось действовать, пока состояние шока существующей флотской иерархии и надзор Большого Альянса означали, что он мог перебрасывать рисовые миски направо и налево. В то же время он должен был осознавать последствия внезапного и огромного сокращения персонала, которое неизбежно влекли за собой рекомендации Дженнингса. Многие офицеры - и рядовой персонал - оказались на грани внезапной

безработицы, и это было бы особенно проблематично в Лиге, межзвездная экономика которой сильно пострадала из-за войны с Большим Альянсом. И которая катилась к еще более серьезной катастрофе из-за внезапного краха УПБ и триллионов за триллионами кредитов, которые столь многие корпорации внезапно потеряли вместе с протекторатами.

Конечно, если предположить, что он сможет убедить любое правительство, созданное Конституционным съездом, профинансировать его, необходимость построить такое количество новых военных кораблей придаст серьезный импульс по крайней мере одной части экономики. Как и необходимость полностью восстановить разрушенную - фактически уничтоженную - промышленную базу Солнечной системы. Ничто из этого не могло помешать предлагаемым изменениям внести свою немаловажную долю в нынешнюю жалкую неразбериху.

Несмотря на это, Кингсфорд полностью намеревался приступить к своей версии очистки Авгиевых конюшен в течение следующего Т-месяца или двух. Что несомненно объясняло его нежелание брать на себя дополнительные миссии прямо сейчас.

"Я прекрасно понимаю, сколько у тебя на тарелке, Уинстон," - сказал Ганнон. "И честно говоря, нам чертовски повезло, что Дженнингс обладает моральной честностью и умом - а у тебя есть моральное мужество, чтобы признать, насколько плохой стала существующая система, и действительно надо что-то с этим сделать. Собственно, с точки зрения флота, в этом весь смысл того, что я предлагаю. Необходимость переориентировать флот на что-то иное, нежели на зализывание ран, негодование и месть - вот весь смысл рекомендаций Дженнингса. Что ж, Пограничный Флот только что потерял семьдесят или восемьдесят процентов своих старых миссий, а те, которые у него остались, в значительной степени "обычный бизнес". Ничего такого, что могло бы вдохновить мужчин и женщин на полную реорганизацию своей профессиональной жизни. Но... "

Он остановился, изогнув брови, и Кингсфорд кивнул.

"Хорошо," - сказал он. "Думаю, теперь я понимаю, к чему ты клонишь. Дать флоту проблему - задание, которое является очевидным разрывом с его прошлым "обычным бизнесом". Которое мы можем использовать в качестве фокусирующего устройства, иллюстрации того, что будет делать флот, который нам нужно построить, вместо того, чтобы сидеть и обдумывать долгие человекоубийственные мысли. А задание... "

"Задание, которым они будут гордиться, а не относиться к нему цинично," - закончил за него Ганнон. "Да, Уинстон, это то, что я предлагаю. Честно говоря, это не будет достаточно большой миссией - и не отнимет много времени - чтобы полностью позволить "снова найти наш путь" на долгое время. Но это поможет нам начать с правильной ноги, и мы сможем использовать импульс, который оно генерирует. Но мы не можем сделать это без помощи АРЛ, и, честно говоря, меня устраивает то, что это требует от нас время от времени тереться локтями с такими людьми, как Джереми Экс. Да, он безжалостен, но он не коррумпирован. Люди, которых тянет к тому, чтобы украсить свои собственные гнезда за государственный счет, не вступают в такие организации, как Одюбон Баллрум. Они склонны присоединяться к таким организациям, как Ассоциация Ренессанса Джессики Штейн." Он пожал плечами. "Она не была большой альтернативой АРЛ, даже когда ею руководил ее отец. Сегодня... ?"

"Это куча напыщенных типов с головами в коллективной заднице. Умеют собирать деньги и умеют произносить речи, - Кингстон взглянул на потемневший экран, - хотя и не так хорошо, как она. Не так хорошо тратят деньги на что-то, кроме выездных семинаров и гонораров консультантам. Да, и на зарплату офицерам и администраторам Лиги. Есть какая-то старая поговорка о том, как преуспеть, делая добро?" Он скривился от отвращения. "Даже если бы

Штейн действительно была заинтересована в том, чтобы что-то делать с рабством, они были бы столь же эффективны для того, о чем ты говоришь, как игрушечные пудели для охоты."

"На мой взгляд, это даже хуже, чем бесполезно. Под руководством Джессики им стало ужасно уютно с Фактором Ренессанса." Пришла очередь Ганнона поморщиться. "Ты знаешь, как я к ним отношусь."

"Ты подозрительный, недоверчивый тип, Чак. Всегда склонный видеть тьму там, куда смотришь. Кто-нибудь тебе это говорил?"

"Андреа, по крайней мере два раза в неделю. Но она предвзята, потому что слишком хорошо меня знает. Послушай, я не утверждаю и никогда не утверждал, что Маннергейм и Фактор Ренессанса - агенты дьявола. Но под всем этим "мы организуемся только для взаимной защиты" они столь же амбициозны, как и люди, управляющие Майанским Автономным Региональным Сектором. Разница в том, что они хитры и чертовски менее открыты в этом вопросе. Никто не может обвинить в этом Баррегоса и Розака."

"Вряд ли." Кингсфорд фыркнул. "Не говоря уже о том, что я предпочел бы, чтобы Луис Розак и его люди были на моей стороне в битве, нежели флот Маннергейма. Они были великолепны в битве при Факеле."

КФО допил свою чашку кофе.

"Хорошо, Чак. У тебя есть разрешение посмотреть, не получится ли что-нибудь. Но пока это только между тобой, мной - может быть Гаддисом - и мышами на чердаке. Понятно?"

Ганнон спокойно посмотрел ему в глаза.

"Прекрасно. И Кэтрин Монтень."

Взгляд не дрогнул, и Кингсфорд стиснул зубы.

"И всеми другими," - сказал он сквозь зубы. "Даже... даже... "

"Все в порядке, Уинстон." Ганнон улыбнулся. "Тебе не нужно называть никаких имен, кроме Монтень. Мы понимаем друг друга."

Ресторан Серебряная Башня

Набережная Сены

Феникс Париж

Старая Земля

Солнечная Система

"Вы смотрели речь?"

"Да. Я должна была заставлять себя делать это, и я это сделала," - сказала Джессика Штейн сквозь стакан, который официант только что наполнил вином. Глава Ассоциации Ренессанса нашла время, чтобы вдохнуть аромат вина. Это было бордо, о стоимости которого она даже не догадывалась. К счастью, ей не нужно было думать об этом, оно было предоставлено ее

хозяином, и ему тоже не нужно было думать об этом. Совсем. Эдвард Текуатль родился в богатой семье с Маннергейма, не говоря уже о том, что он был генеральным директором одного из крупнейших банков Маннергейма.

Он также был давним сторонником Ассоциации Ренессанса, начиная с того времени, когда отец Джессики Иероним основал ее. После убийства Иеронима Текуатль решительно поддержал претензии Джессики сменить отца на посту главы организации. Учитывая, что он был одним из двух или трех самых щедрых спонсоров Лиги, его мнение имело большой вес. Достаточный, чтобы в конечном итоге склонить чашу весов в ее пользу.

Штейн отпила бордо и улыбнулась от удовольствия, но улыбка превратилась в насмешку, когда она поставила бокал на стол.

"Лучшее, что я могу сказать о Кэтрин Монтень - это то, что она чертовски неприятна. Она была для нас занозой в течение десятилетий. Я не думаю, что кто-то еще мог помешать борьбе с генетическим рабством больше, чем она, с ее радикальной риторикой - много ли от этого пользы! - и ее связью с Одюбон Баллрум. Она позволила мезанцам легко очернить всех своих противников как сторонников терроризма. Чем... - усмешка превратилась в гримасу, и ее голос набрал силу, - мы определенно не были."

"Нет," - согласился Текуатль. "Хотя Иероним старался никогда не нападать на Баллрум публично. Во всяком случае, не напрямую."

Штейн фыркнула.

"Мой отец иногда мог быть туповат. Я никогда не стеснялась называть имена, в том числе Джереми Экса." Она выпрямилась в кресле, ее плечи напряглись. "И, черт возьми, рисковала быть убитым им."

"Давайте будем честными, Джессика," - сказал Текуатль тем же мягким тоном. "Это не было большим риском. Что бы вы ни говорили о нем, Джереми Экс никогда никого не убил только за то, что тот был одним из его многочисленных критиков. Для этого вы действительно должны были сделать что-то в поддержку генетического рабства, в чем никто никогда не обвинял Ассоциацию Ренессанса или кого-либо из ее членов. Уж точно ни одного из ее лидеров."

Штейн снова фыркнула и отрицательно махнула рукой.

"Хватит об этом. Теперь, когда Монтень находится в Солнечной системе - и, очевидно, планирует остаться здесь на некоторое время - нам нужно активизировать нашу деятельность по проблеме рабства на Конституционном съезде, иначе проклятая Антирабовладельческая Лига получит всю популярность. Можем ли мы рассчитывать на вашу поддержку?"

"Конечно." Текуатль отпил из своего стакана. "Не могу сказать, что я так резко отношусь к Монтень, как вы, но Маннергейм всегда предпочитал ваш подход подходу АРЛ."

* * *

Остальная часть ужина состояла в основном из болтовни двух человек, которые были хорошо знакомы, если не были настоящими друзьями, в течение многих лет. О том, где сейчас тот или этот, и что вышло из того или иного проекта. Это нравилось им обоим, и еда, конечно, была превосходной - чего и следовало ожидать от ресторана, который утверждал, что ведет свое происхождение из Парижа до Расселения.

Это утверждение было странным, поскольку Серебряная Башня банкротилась много раз - в течение почти четырехсот лет - и у него было больше владельцев, чем кто-либо мог вспомнить. Если уж на то пошло, весь Париж был стерт с лица земли в Последней войне. Город Феникс Париж был построен вновь - во всем великолепии - на том же месте, возродившись из пепла, как тот самый феникс, с которым он навсегда стал ассоциироваться, но ни одно из его первоначальных строений, в том числе ничего под названием Серебряная Башня, не сохранилось после пары взрывов мегатонного диапазона, которые сровняли его. Так что теперь это имя было действительно просто именем, которое продолжало возрождаться из-за своей почтенной древности. Но по крайней мере, в своем нынешнем воплощении Серебряная Башня снова оказалась в центре города на реке Сена. Был период почти тысячу лет назад, вскоре после Последней войны и до Феникс Париж, когда ресторан, носивший это название, располагался именно в Ле-Мане.

После ужина они разошлись. У Текуатля был постоянно зарезервированный номер в соседнем отеле, с очень дорогим и очень надежным коммуникационным оборудованием. Оборудованием, которое он немедленно применил, как только добрался до своего номера.

"Да?" - сказал голос.

"Она надежна," - сказал он, не удосужившись назвать себя. "В этом нет ничего удивительного. Но никогда не мешает убедиться." Он тихонько рассмеялся. "Что там за термин использовал какой-то древний политик? "Полезный идиот", если я правильно помню."

http://tl.rulate.ru/book/64230/1688870